

Received on 2025.03.01; Accepted on 2025.04.25; Published online on 2025.05.31.

Монгольское право в условиях геополитических процессов в начале XX в.: Традиций и обновление

Mongolian Law in the Context of Geopolitical Processes at the Beginning of the 20th Century: Traditions and Renewal

Дугарова Сержена Жигмытовна

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства института права и экономики Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

*Улан-Удэ, Россия
dugarova_s@mail.ru*

© Dugarova Serzhena Zhigmitovna, 2025

[Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
[\(CC BY-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

[Аннотация]

Правовая культура кочевых народов в целом, в частности монголов, представляющая сложный социальный феномен, изучалась фрагментарно.

Между тем, монгольские народы обладают древними правовыми традициями, которые формировались в контексте кочевой скотоводческой культуры Центральной Азии.

Интенсивный правотворческий процесс происходил, начиная с образования монгольского государства в эпоху Чингисхана. Несколько интенсивным был процесс государственного и этнорегионального регулирования, настолько статичным оставались правовые взгляды, менталитет кочевого народа.

Обоснование данного тезиса осуществлено путем анализа памятников монгольского права в определенный период истории Монголии: в начале XX в. -исторический период столкновения geopolитических интересов России, Китая и Монголии.

[Ключевые слова]

Правовая культура, правовые традиции, памятники права, уголовное законодательство, наказание.

I. Введение

С установлением в Монголии маньчжурского господства значительно расширилась сфера правового регулирования. Нормативно-правовые акты, принятые монгольскими чуулганами, а также изданные маньчжурскими императорами содержат публично-правовые нормы. Законодательные акты средневековой Монголии регулировали исключительно отношения власти и подчинения. Нормы публичного права, направленные на регулирование неравноправных отношений в сфере властного управления, фиксировались письменно, внешне оформлялись в виде уставов (Монголо-ойратский устав, Халха Джирум) и объявлялись населению.

В северной Монголии в период маньчжурского господства, проводилась политика направленная на расширение феодальных полномочий монгольских ханов, распространение буддизма.

II. Законодательные акты Монголии в период маньчжурского господства- источники уголовного права

Наиболее известными нормативно-правовыми актами, действовавшими в Монголии в указанный период являются «Монгол цаазын бичиг», «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг», «Жинхэнэ дагаж явах хууль, дүрэм», последние двабыли связаны с важным историческим событием в жизни монгольской государственности – освобождением Монголии от господства маньчжуров. «Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг» – результат правотворческой деятельности законодательной комиссии Богдо хана. В литературе все чаще встречается обобщенное название этих законов – Хууль зүйл бичиг¹.

Структурно «Хууль зүйл бичиг» состоял из 65 глав, ведущие главы 1-10 посвящены законодательному закреплению правового положения чиновников, феодальных привилегий. «Хууль зүйл бичиг» определял административно-территориальное устройство Монголии: 6 аймаков, 118 хошунов, 56 шабинарских отоков.

Отдельная глава 51 законоделяла правовой статус главы Монголии VIII Богдо хана Хутугты Жавзандамбы.

Заметим, что нормы «Хууль зүйл бичиг» охватывали только вопросы об отношении монголов к власти и уголовные постановления. Никаких предписаний относительно внутренней жизни хошунов законодательный акт не содержал.

В центре внимания маньчжуров в период их политического

¹ Монгол ба буриадын заншил, заншлын эрх зүй. Уб., 2008. С 48

господства в Монголии находились вопросы правопорядка² Следует отметить стремление маньчжурской администрации учитывать правовые традиции монголов. Эта характерная черта ярко проявлена в «Монгол цаазын бичиг» – основном правовом документе, созданном в период господства маньчжурской династии в Монголии.

Так, «Монгол цаазын бичиг» содержит, наряду с легальным определением понятия преступления, определенные ограничения назначения мер наказания в отношении должностных лиц. В рассматриваемый период времени наказание – цааз – определялось как мера принуждения за совершение преступления, налагаемая по решению хана или специального органа, обладавшего правом осуществления правосудия от его имени. Одной из основных целей уголовного наказания в законодательстве маньчжуров являлось устрашение. Вору, угнавшему чужой скот, отрубали голову, которую в последующем подвешивали на столб для всеобщего обозрения³. Другой целью наказания было возмездие. Третья цель наказания заключалась в обеспечении безопасности государства от последующих посягательств путем изоляции преступников. В соответствии с этим распространение получили различные членовредительные наказания, а также наказания, связанные с изоляцией преступников, – тюремные заключения и ссылка. Беглый ссылочный подвергался клеймению⁴. Также новым явлением становится назначение наказания с целью трудовой эксплуатации преступников⁵.

Таким образом, ужесточение уголовной репрессии получило отражение всодержании норм «Монгол цаазын бичиг»⁶. Так, если традиционная система наказания монголов предусматривала преимущественно наложение имущественного штрафа в виде определенного количества скота, то «Монгол цаазын бичиг» устанавливал новые виды наказания, такие как ссылка, общественные работы, лишение титулов, званий, вычет из жалованья. Уголовное законодательство маньчжуров, закрепляя систему наказаний, устанавливало четкую градацию мер уголовного наказания по их тяжести, что означало стремление законодателя при назначении определенной меры уголовного наказания исходить из представлений о справедливости, зависимости наказания от степени вины. Меры уголовного наказания, по «Монгол цаазын бичиг» делились на главные и дополнительные. Академик С. Нарангэрэл, исследовав

² Монгол ба буриадын заншил, заншлын эрх зүй. Уб., 2008. С 99

³ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 7

⁴ Там же, С 34

⁵ Там же, С 36а

⁶ Там же, С 36а

законодательный акт маньчжурского государства, классифицировал меры наказания, разделив их на основные и дополнительные⁷. К основным наказаниям С.Нарангэрэл относит штраф, телесное наказание, ссылку и смертную казнь. Дополнительными наказаниями ученый считает такие меры, которые устанавливались в совокупности с перечисленными основными мерами. К их числу отнесены следующие: отстранение от занимаемой должности, лишение титулов, званий, вычет из жалованья, конфискация имущества, тяжелые работы, клеймение, обращение в рабство, ношение шейной колодки.

Добавим, что основные виды наказания могли быть назначены как самостоятельно, так и в совокупности с дополнительными. Например, в одной из статей, устанавливавшей наказание в виде смертной казни за разграбление мест погребений знатных людей, предусматривалась конфискация имущества как дополнительная мера наказания. Жена, дети, дом, скот и имущество подлежали полной конфискации. За укрывательство беглого ссыльного, занедоносительство уложение устанавливало телесное наказание в виде 100 ударов розгами⁸.

III. Имущественные наказания

Характеризуя систему наказания по «Монгол цаазын бичиг», следует отметить, что традиционно большое значение придавалось имущественным ограничениям как виду уголовного наказания. Так, «Монгол цаазын бичиг» в соответствии с хозяйственным укладом монголов предусматривал широкое применение штрафа скотом – малаар торгох. Размер данного вида штрафа девяток – юс, известный еще с древних времен, в рассматриваемый период служил основной единицей имущественного штрафа. При наложении штрафа учитывали имущественное положение виновного лица. При этом под имущественным положением имелось в виду количество домашних животных, которое принадлежало виновному лицу.

Торгох ял как разновидность штрафа имел некоторые особенности в «Монгол цаазын бичиг»:

- как имущественный штраф он взимался определенным количеством скота или другого определенного приговором имущества, принадлежащего виновному. При этом такой вид наказания не мог быть заменен деньгами;
- был установлен запрет на замену такого штрафа другими видами наказания, например, лишением свободы, ссылкой и т.д.

⁷ Нарангэрэл С., Лүндэндорж Н. Эрх зүй судлалын удиртгал. Уб., 2002. С 81

⁸ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 4

Малаар торгох ялпредусматривал, как правило,уплату штрафа определенным количеством крупного рогатого скота – бод малаар. При назначении данного вида штрафауказывали вид, количество голов скота и его возраст. Нормы «Монгол цаазын бичиг», определяя вид и возраст крупного рогатого скота – гунан ухэр (трехлетняя корова), долоон морь (семилетняя лошадь),нижгээд ухэр (одна корова), максимальный размер имущественного штрафа устанавливали до 10 девяток.

В то же время другой законодательный акт «Халха Джирум», действовавший в это время в семи монгольских хошунах, содержит нормы, предусматривавшиештраф в размере от 100 до 300 голов домашнего скота⁹. В основе данного видалежала традиционная единица штрафа на скот – юс (девяток). Во всех известных монгольских памятниках права «Их засаг», «Алтан ханы цааз», «Монголо-ойратское уложение», «Халха Джирум» - штраф определяется термином юс – девяток. В «Монгол цаазын бичиг» девяток служит единицей размера штрафа, так закон, как правило,устанавливая штраф, предусматривал увеличение его размера три, пять, семь, девять раз. В «Монгол цаазын бичиг» кроме размера штрафа указывался вид голов скота, возраст животных: в девяток входили две лошади, два вола, две коровы, два трехгодовалых бычка и один годовалый бычок. Штраф в размере пяти голов скота включалодного вола, одну корову, одного трехлетнего быка, двухгодовалых телят¹⁰. Такая регламентация размера штрафа, по нашему мнению, свидетельствуето том, что в рассматриваемый периодуплата штрафа была затруднена и обеспечивалась дополнительными мерами¹¹.

Уплата штрафа скотом (малаарторгохял), заимствованная маньчжурами у монголов мера наказания, являласьтяжелым наказанием. Так, девяток, по «Монгол цаазын бичиг», предполагал уплату штрафа девятью единицами крупного рогатого скота (бод малаар), с учетом видового состава скота.

Конфискация имущества в рассматриваемом памятнике монгольского права определялась как дополнительный вид наказания. Законодательные акты по-разному определяли содержание данного вида наказания. Толкование положений некоторых памятников монгольского права позволяет под конфискацией имущества понимать передачу в казну государства (санд барих) всего имущества

⁹ Баярсайхан Б., Оюунбилиг Б., Батбаяр Б. Халх журам (эх бичгийн судалгаа). Уб., 2009. С 5

¹⁰ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 65

¹¹ Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 79

виновного. Одновременно с этим согласно нормам маньчжурских законов конфискация имущества преследовала цель разорить виновного (мал, барааг хийсгэх). Согласно «Монгол цаазын бичиг» все имущество, принадлежащее виновному лицу в виде дома, домашних животных и другого доброподлежало изъятию, а жену и детей обращали в рабство. В другом памятнике монгольского права – «Халха Джируме» - встречается схожая норма, предусматривавшая изъятие имущества виновного лица в пользу казны, передачу жены и детей феодалам. Подобные меры уголовного наказания не были предусмотрены в более ранних монгольских источниках права и, по мнению современных исследователей истории монгольского права, были введены нормативными актами в период маньчжурского господства¹². Широкое применение наказания в виде конфискации имущества, по свидетельству монгольских исследователей, связано с углублением имущественного расслоения монгольского общества¹³. Конфискация заключалась в принудительном изъятии всего имущества, независимо от того, находилось ли оно в общей семейной собственности или принадлежало виновному лично, и передаче его либо в пользу казны, либо раздавалось населению. Тем самым достигалась цель полного разорения виновного и его семьи. Следовательно, наказанию подвергалось не только виновное лицо, но и вся его семья.

IV. Иные виды наказания

По мнению исследователей, лишение свободы как мера наказания, ранее не известная монголам, было введено в Монголии маньчжурями в 1775 г. В «Халха Джируме» лишь в одной статье упоминается наказание в виде лишения свободы. Статья предусматривала помещение виновного в небольшую яму глубиной в 4 сажени. В «Монгол цаазын бичиг» лишение свободы определяется как «гяндан хорих», в то время как лишение жизни называлось амийг хороох (лишить жизни). До назначения наказания в виде смертной казни виновный содержался в тюрьме. «Монгол цаазын бичиг» предписывал заключать в тюрьму виновное лицо за самовольную торговлю пушниной, женщением до приведения в исполнение смертной казни. Более детальное регламентирование порядка приведения в исполнение смертной казни получило отражение в источниках. В рассматриваемый период тюрьмы были организованы не повсеместно¹⁴. Приведение в исполнение смертной казни обычно

¹² Там же

¹³ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг. Уб., 2005. С 105

¹⁴ Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 108

откладывалось до осени и на период отсрочки исполнения наказания осужденных отправляли на обязательные работы. Принудительные работы определялись как дополнительный вид наказания. По содержанию обязательная работа была схожа с ссылкой, т.к. заключалась в выполнении трудовых функций на определенный срок. «Монгол цааз бичиг» предусматривал два вида принудительных работ: 1) выполнение тяжелой работы в уртонах, 2) үйлтгэх – обязательная работа. Уртонная служба представляла одно из основных направлений государственной службы, где использовался бесплатный труд осужденных. Выполнение тяжелой работы в уртонах относилось к тяжкому виду наказания. Содержание наказания «үйлтгэх» «Монгол цаазын бичиг» не уточняет. «Халха Джирум» под тяжелыми работами имел в виду участие в заготовке дров, подвозе воды, уборке снега, содержание в чистоте территорий и помещений дацанов, а также предписывал осужденному такие работы как совершение ежедневного молебна. Выполнение обязательных работ назначалось на срок до 3 месяцев. «Монгол цаазын бичиг» предусматривал данное наказание за укрывательство беглых ссылочных, пособничество в побеге¹⁵.

Клеймению как дополнительному виду наказания подвергали беглых ссылочных. «Монгол цаазын бичиг» предусматривал обязательное клеймение в случае побега с военной службы, назначенной как альтернатива смертной казни. Наряду с клеймением на шею преступника надевали колодку¹⁶. Впервые клеймение в сочетании с шейной колодкой было введено Монголо-ойратским уложением в 1640 г. Позднее получило закрепление в законодательстве маньчжуров. Следующий вид наказания – обращение в рабство. Как отмечал академик Ш.Нацагдорж, у монголов институт личного рабства не получил широкого распространения. По его мнению, в период со второй половины XVIII в. до XIX в. число рабов в Монголии было незначительно¹⁷. Б.Баярсайхан считает, что рабское положение определялось разными терминами: гэрийн хүвүүд (домашние мальчики), гэрийн боол (домашняя прислуга), хяа (государственный раб). Вместе с тем, отмечает ученый, в источниках для обозначения зависимого (рабского) положения употребляется слово хүвүүд¹⁸.

Наиболее распространенные источники рабства: рождение от рабов, совершение преступления, самопродажа в рабство, передача зависимых людей в качестве инж (приданного) дочери, плен.

¹⁵ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 4

¹⁶ Там же., С 36

¹⁷ Нацагдорж Ш. Монголын феодализмын үндсэн замнал. Уб., 1978. С 58

¹⁸ Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 105

Обращение в рабство как вид уголовного наказания широко применялось в период Юаньской империи, позднее получило закрепление в системе наказаний маньчжурского государства. Согласно данным архивных источников, а также нормам законодательного акта «Хууль зүйл бичиг» было возможно освобождение от рабства – цагаан албат болгох. Правовое положение раба, условия освобождения от рабства детально «Монгол цаазын бичиг» не определял. Вопросу освобождения от рабства была посвящена только одна статья. Между тем обращение в рабство назначалось как дополнительное наказание в сочетании со ссылкой, конфискацией имущества. Так, «Монгол цаазын бичиг» предусматривал обращение в рабство в соединении со ссылкой в отдаленные места. Согласно закону, вор выдавался в качестве раба монгольскому нойону, несшему службу в определенной должности в системе местного управления. Вместе с тем монгольские ученые замечают, что у монголов было принято при обращении лиц с низшими чинами к высшим называть себя «боол би бээр» т.е. «я ваш слуга». Система наказания, установленная «Монгол цааз бичиг», включала традиционное монгольское наказание «орбосгох» - возмещение ущерба, закрепленное такими монгольскими памятниками права, как «Уложение Алтан-хана», «Монголо-ойратское уложение», «Халха Джирум». Возмещение ущерба, по «Монгол цаазын бичиг», предусматривалось заугон скота, самосуд, причинение телесных повреждений – ослепление одного глаза, причинение имущественного вреда. В системе наказаний маньчжуров особое место отводилось ссылке, не имевшей широкого применения у монголов. Для населения Монголии ссылка как уголовного наказания была введена маньчжурами в 1759 г. и заключалась в принудительной отправке осужденного бессрочно в отдаленные места. Ссылке подвергалось не только само виновное лицо, но и все члены семьи преступника. Нормами «Монгол цааз бичиг» и «Хууль зүйл бичиг» места поселения ссыльных определялись как муу газар (плохое место): южные провинции Китая. Следующий вид наказания – телесные болезненные наказания, назначались как основной вид, в отдельных случаях определялись как дополнительное наказание в сочетании с основными. «Монгол цаазын бичиг» предусматривал 3 вида телесных наказаний: битье розгами, битье кнутом, битье батогами. Количество ударов исчислялось от 25 до 100. «Монгол цааз бичиг» ограничивал максимальное число ударов до 100. Битье батогами преимущественно применялось при пытках обвиняемого для получения признания в совершении преступления, и определялось как элемент розыскного процесса. Батог (чавчирга) – широкая длинная палка, которой били обвиняемого от 60 до 100 раз. «Монгол цаазын бичиг» назначал

телесные наказания в качестве основной меры наказания в случае имущественной несостоятельности виновного лица. Поэтому битье кнутом, битье розгами определялись как средство обеспечения исполнения обязательств¹⁹.

V. Смертная казнь

«Монгол цаазын бичиг» приводит три вида смертной казни – повешение, отсечение головы, отрубание конечностей.

Смертная казнь как основной вид наказания дополнялась конфискацией имущества. Нормы «Монгол цаазын бичиг» предусматривали смертную казнь через повешение за грабеж, распутное поведение, разбой группой лиц, угон крупного рогатого скота, конокрадство, умышленное убийство, поджог, браконьерство (охоту в запрещенных местах, сбор женьшеня в целях сбыта). Отрубание конечностей предусматривалось за побег с поля боя, убийство при разбое, убийство своего господина. «Монгол цаазын бичиг» устанавливал порядок назначения и исполнения смертной казни через повешение. Лиц, совершивших преступления, влекущие смертную казнь, доставляли в министерство управления Внешней Монголией, которое после ознакомления с делом обращалось с ходатайством хану о необходимости назначения смертной казни. Окончательное решение о назначении смертной казни принимал хан как номинальный глава государства. Согласно закону приговор о смертной казни приводился в исполнение осенний период. «Монгол цаазын бичиг» предусматривал замену смертной казни выплатой большого штрафа домашними животными по усмотрению должностных лиц министерства управления Внешней Монголией. Поскольку отсутствовал принцип индивидуализации наказания, необходимо было выкупить всю семью. Закон не разрешал выкуп одного лица, например, самого преступника отдельно от семьи. Детей старше 10 лет можно было выкупить за два десятка голов домашнего скота. Закон допускал выкуп всей семьи.

В уголовном законодательстве маньчжуров, в отличие от монгольского, классификация нормативного материала осуществлялась в соответствии с китайской законодательной техникой.

VI. Система преступлений

Виды преступлений разграничивались на преступления против личности, посягательства на чужое имущество, разграбление

¹⁹ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 25

мест погребения, нарушение правил охраны окружающей среды, должностные преступления, нанесение телесных повреждений.

В «Монгол цаазын бичиг» воинские преступления не выделялись в отдельную группу. В рассматриваемый период общественно-политическая обстановка внутри государства была не стабильна: борьба западных монголов против маньчжурского господства, политика экспансии русского государства. В этих условиях необходимо было законодательно определить права и обязанности должностных лиц, органов власти, населения в случае военного нападения или военных действий. «Монгол цаазын бичиг» устанавливал меру ответственности в случае нарушения правил поведения в военное время. Так, если при нападении на территорию нойоны управлятели хошунов, бросив на произвол подведомственную территорию, убегали, то подвергались наказанию в виде лишения должности, титулов, званий. В случае быстрой и успешной мобилизации населения, организации защиты своей территории, отличившиеся нойоны удостаивались наград, материального поощрения. «Монгол цаазын бичиг» содержал предписания о правах и обязанностях военных. Закон строго запрещал учинять пожар под угрозой смертной казни, похищать амуницию, седло, сбрую, грабить дацаны. «Монгол цаазын бичиг» отражал политику маньчжурского государства по отношению к покоренным народам. Так, закон предписывал не допускать произвол военных по отношению к мирному населению, предписывал военачальникам усилить военную дисциплину. В противном случае предусматривалось тяжкое наказание.

Нормы «Монгол цаазынбичиг», «Хууль зүйл бичиг» запрещали продажу оружия русским, олетам (монгольское племя). Для торговли оружием требовалось разрешение министерства управления Внешней Монголией, которое выдавало специальную разрешительную грамоту – пиу. В законах маньчжурского государства получило закрепление понятие неприкосновенности жизни и здоровья людей. В «Монгол цаазын бичиг» совокупность статей об умышленном убийстве выделялась в специальную группу преступлений под названием «Статьи о защите жизни». Выделялись следующие виды умышленного убийства: убийство при разбое, убийство ванами зависимых людей чужих хошунов, убийство в ссоре, умышленное убийство мужем жены, убийство своего господина.

«Монгол цаазын бичиг» содержал нормы, предусматривавшие смягчающие и отягчающие вину преступника обстоятельства. Так, убийство в ссоре наказывалось смертной казнью через повешение, убийство по неосторожности влекло штраф в размере девятка.

«Монгол цаазын бичиг» запрещал самосуд нойонов над зависимыми людьми под угрозой наказания в виде лишения титулов, званий. Вместе с тем за лишение жизни своего господина зависимый человек приговаривался к смертной казни путем отрубания головы.

Закон также различал виды убийства: умышленное убийство острый оружием, убийство в состоянии алкогольного опьянения, убийство из-за мести, убийство по неосторожности. Наказание назначалось с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств. Отягчающими обстоятельствами признавались умышленное убийство, убийство зависимым человеком своего господина, убийство из-за мести. Всякого нойона или простого человека, устроившего из-за мести пожар, в результате которого погиб человек, следовало казнить через повешение. Имущество, семью виновного следовало подвергнуть разорению. Схожая статья была и в другом законе «Хууль зүйлбичиг», она предусматривала наказание за убийство совершенное из-за мести.

Особым видом преступлений против личности было причинение телесных повреждений: вырывание волос, повреждение глаз, носа, ушей, полости рта. Право различало причинение вреда по тяжести как легкое, среднее, тяжкое. «Монголо-ойратское уложение» 1640 г. устанавливало дифференцированное наказание за причинение физического вреда в зависимости от характера и степени тяжести причиненного ущерба. За нанесение множественных порезов острым оружием предусматривался штраф в размере пяти девяток. Нанесение телесных повреждений средней тяжести влекло штраф в размере трех девяток, мелких порезов – один девяток²⁰. Наказание за вырывание волос и кистей головного убора было известно монголам с древних времен. Традиционным головным убором монголов являлась шапка с красной кисточкой. В период маньчжурского господства были изданы законы, вносявшие изменения в традиционный уклад монголов. Так, «Монгол цаазын бичиг» запрещал монголам носить шапку с длинной кистью, шапки с наушниками, приспущенными вниз, шапки из войлока. За нарушение нойоны подвергались штрафу в размере 1 лошади, простой человек – 1 коровы²¹.

Монгольские памятники права предусматривали выплату компенсации за повреждение глаз в размере девяти девяток. Как отмечает Б. Баярсайхан, согласно нормам «Халха Джирум» полное ослепление человека приравнивалось к убийству, за повреждение одного глаза «Халха Джирум» предписывал выплату компенсации

²⁰ Монгол Ойрадын цаазын бичиг. Хух хот, 2000. С 72

²¹ Там же, С 8

в размере 150 голов скота в соединении с телесным наказанием²². В основе статьи «Монгол цаазын бичиг», предусматривавшей наказание за телесные повреждения, в частности повреждение глаз, лежали нормы монгольских актов. В законодательстве маньчжуро-широко представлены имущественные наказания. «Монгол цаазын бичиг» определял перечень вещей, которые могли находиться на праве собственности у частных лиц - четыре вида скота - лошадь, верблюд, корова, овца; домашние животные: собака, свинья, курица, а также домашняя утварь, предметы обихода.

Среди имущественных преступлений подвергалась подробной регламентации кража. Так, в составе «Монгол цаазын бичиг» выделялась совокупность статей, определяемая как «хулгайнцааз» - наказания для воров. Нормы «Монгол цаазын бичиг» различали признаки следующих видов кражи: угон скота, кража домашней вещи, домашнего животного. Наиболее тяжким видом воровства закон признавал похищение чужого скота. Наказание назначалось в зависимости от количества голов похищенного скота. За угон более 30 голов скота Уложение устанавливало смертную казнь через повешение. За приобретение краденого скота закон угрожал ссылкой в южные провинции Китая. По мнению Б.Баярсайхана, указанные нормы «Монгол цаазын бичиг» и «Хууль зүйл бичиг» применялись только по отношению к простым людям²³. Известен был институт соучастия. Соучастники кражи делились на следующие категории: организатор (тэргүүлсэн), сообщник, пособник (хамжигч).

Угон скота по предварительному сговору признавался обстоятельством, отягчающим вину преступника. За угон скота, в том числе конокрадство, совершенное неоднократно в течение 1 года, наказание назначалось по совокупности. При этом если количество голов угнанного скота превышало десять голов, назначалась смертная казнь. «Монгол цаазынбичиг» при назначении наказания предусматривал за похищение мелкого рогатого скота уплату штрафа крупным рогатым скотом. Уложение предписывало всякому у кого угнали скот, явиться в администрацию хошуна и сообщить о случившемся с подробным описанием похищенного скота. В канцелярии устное заявление подлежало официальной регистрации²⁴. Население обязано было сообщать стражнику хошуна о каждом известном случае угона скота²⁵. Наряду с угоном скота в

²² Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 127

²³ Там же, С 128

²⁴ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 32

²⁵ Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 131

составе «Монгол цаазын бичиг» выделялись статьи о регламентации ответственности в случае обнаружения отбившегося от своего стада животного. Лицо при обнаружении животного, отбившегося от стада, обязано было сообщить местным нойонам. «Монгол цаазын бичиг» запрещал гонцам, путникам использовать лошадь, отбившуюся от своего табуна. В отличие от монгольских актов «Монгол цааз бичиг» приравнивал эти случаи к угону скота, устанавливая наказание.

Д.Гонгор в «Краткой истории Халхи» отмечает, что древние обычаи монголов предписывали уважительное отношение к местам захоронения, погребений независимо от происхождения усопших. В период смутного времени участились разграбления погребений знатных людей. В силу этого, по мнению ученого, в Монголии было отведено специальное место захоронения нойонов – ноедын шарилын газар²⁶. Монгольский законодательный акт запрещал разрушение мест погребений, угрожая штрафом, размер которого зависел от имущественного положения усопшего: за разграбление могилы знатного богатого человека устанавливался штраф в размере девятка, за разграбление могилы зажиточного человека – половина девятка, простого человека – в размере одной головы крупного рогатого скота. Нормы «Халха Джирум» запрещали ставить юрту на территории погребений знатных людей. «Монгол цаазын бичиг» также содержал нормы о наказуемости за разрушение, разграбление мест погребений ванов, бэйлэ, гунов, членов их семей.

Разграбление погребений приравнивалось по тяжести к убийству и каралось смертной казнью. При назначении меры наказания закон учитывал обстоятельства совершения преступления. При совершении преступления группой лиц наказание дифференцировалось, при этом для организатора преступления предусматривалась смертная казнь через повешение. Монголы имели обыкновение бережно относиться к окружающей среде, хранили традицию поклонения святым местам. «Халха Джирум» закреплял перечень мест поклонений монголов. В законодательстве маньчжуров также содержались нормы, регламентировавшие порядок совершения обрядов, поклонения святым местам, охраны окружающей среды. «Монгол цааз бичиг» устанавливал ответственность за нарушение правил пользования пастбищными угодьями, поджог лесного массива, браконьерство, сбор женщины с целью сбыта.

Законодательно регулировались вопросы землепользования. «Монгол цааз бичиг» запрещал под страхом наказания нарушать установленные межевые знаки, разграничающие пастбищные

²⁶ Гонгор Д. Халх товчоон. Уб., 1978. С 286

угодья, и вообще запрещал самовольное кочевание. За подобные нарушения устанавливалось имущественное наказание, размер которого зависел от имущественного положения нарушителя. Ваны, бэйлэ, бэйсэ за нарушение норм землепользования лишились жалованья наопределенный срок, простые люди лишились имущества частично или полностью, подвергаясь разорению. Это, по мнению Б. Баярсайхана, свидетельствуето распространенности в рассматриваемый период времени споров по вопросам владения, пользования пастбищными угодьями. С другой стороны, продолжает ученый, нарушение порядка кочевания влекло суворое наказание: штраф в размере 50 голов лошадей, обращение в рабство²⁷. В период маньчжурского господства не было единого постоянного центра аймачной администрации.

Кочевое скотоводство определяло подвижность канцелярии, местные должностные лица управляли из своей юрты, двигаясь со скотом. В источниках места службы нойонов определяются как жанжныжасаа, дарганжасаа. Место службы глав чулганов определялось по месту их кочевания. В этом, по утверждению Е.И. Кычанова, заключалась особенность кочевого государства²⁸.

Маньчжурские законы регулировали правила охоты. «Монгол цаазын бичиг» и «Хууль зүйл бичиг» предусматривали организацию специального учреждения по охране природы, основной задачей которого была борьба с незаконным промыслом диких животных. Охота без официального разрешения данного учреждения влекла ответственность. В случае задержания монголов во время самовольной охоты на косуль, следовало передать их на рассмотрение суда Тунжид. За браконьерство в первый раз предусматривалось позорящее наказание – ношение шейной колодки в течение 1 месяца, за повторную охоту – ношение колодки в течение 2 месяцев, за охоту в третий раз – срок ношения колодки увеличивался до трех месяцев, виновный предварительно подвергался телесному наказанию до 100 ударов плеткой. «Монгол цаазын бичиг» устанавливал наказание за покупку и сбыт пушнины – шкурки соболя – в виде телесного наказания до 100 ударов кнутом, штраф в размере девяти голов крупного рогатого скота²⁹.

Таким образом, нормы «Хууль зүйл бичиг» носили публично-правовой характер. По мнению монгольских исследователей, эти правовые акты продолжали следовать принципам и традициям

²⁷ Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 115

²⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1977. С 302

²⁹ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 27

маньчжурского государства³⁰. Одним из источников указанных актов явилось маньчжурское законодательство, переработанное применительно к новым историческим условиям. О смешении законодательных традиций маньчжуков и монголов говорит и название данного закона. Так, например, в законодательных актах средневековой Монголии ранее не встречается слово дурэм. Именно со времени установления господства маньчжуков слово дурэм входит в употребление в сфере законотворчества³¹.

О влиянии внешних факторов на монгольское право свидетельствует система уголовного наказания, которая предусматривала суровые наказания и жестокие пытки, не характерные для монгольской системы права (битье ремнем по щекам, подвешивание мужчин за большие пальцы, вбивание камышевых гвоздей под ногти), из наказаний – заключение в тюрьму, битье палками.

VII. Влияние ламаизма на содержание норм. Правовое положение духовенства

Другой фактор, повлиявший на содержание норм законодательных актов Монголии – распространение ламаизма, преобразившее монголов. В 1635 г. в Монголии был объявлен первый перерожденец из монголов Дамба - хутухта. Поддерживая институт Хутухты в Монголии маньчжуры превратили последнюю в теократическую монархию. Маньчжурские императоры использовали влияние духовного главы буддийской церкви для политических целей. Согласно китайской летописи, когда в Халхе произошло волнение, маньчжурским императором было дано распоряжение всем аймакам выступить против мятежников, а к Хутухте обратился с просьбой – вну什ить халхасцам «великую справедливость»³².

В результате распространения ламаизма монголы изменились. Если ранее халхасцы признавались храбрецами на севере Шамо, то после, поддавшись внушениям ловких лам, они предались изучению буддийских молитв и утратили боевые навыки. Как отмечал Г.К. Гинс, «произошло чудесное превращение воинов в монахов, подвижных всадников в спокойных жрецов»³³.

На территории Монголии было построено множество дацанов. Проводимая маньчжурами политика привела к изменению

³⁰ Нарангэрэл С., Лүндэндорж Н. Эрх зүй судлалын удиртгал. Уб., 2002. С 8

³¹ Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг. Уб., 1995. С 23

³² Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин, 1930. С 44-45

³³ Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. // Вестник китайского права, 1931, № 3. С 31

общественного строя Монголии, увеличилось количество духовных лиц- лам, их учеников – послушников. Страна покрылась строениями монастырей. Множество молодежи надело желтые одеяния, образовались целые армии лам. Получил развитие институт шабинарства – личных подданных главы халхасской церкви, наподобие крепостной зависимости. По данным В.А. Рязановского церковное имущество в Монголии оценивалось в начале века в 57 млн. золотых рублей, тогда как все национальное богатство в 250 млн. Церковь являлась крупным феодалом³⁴. Однако силы ламаистского духовенства покоились не на одной численности его богатствах. Главным образом на бытовом значении ламаизма и его влиянии на население. Лама провожал монгола от колыбели до могилы. Лама – врач и учитель. Он спасал душу тела монгола. Все лучшие умственные силы, все знания и опыт собирались под сенью монастырей. Ламаистское духовенство сумело сделать себя необходимым участником жизни людей.

Монгольские нойоны отдавали Хутухту в качестве послушников – шаби, которые фактически становились личными подданными главы халхасской церкви. Число послушников из года в год росло, в начале XX в. составляло 86000. Для управления данной категории лиц действовало особое Великое шабанско ведомство. Духовное влияние ламаизма, в целом буддийской религии на население было велико. Духовенство участвовало во всех сферах жизни народа, приучая его к мысли о возможности счастья в отречении от всего земного. Как отмечал Г. К. Гинс, сначала Россия, позже Китай сумели использовать институт Хутугты в качестве проводника своего политического влияния и буддизм как средство, усыпляющее воинственность монголов³⁵. Именно поэтому уставы монголов, в том числе «Монголо-ойратское уложение» 1640г. предписывали почтительное отношение к ламаизму, тщательно охраняя его интересы. Вводные части уставов посвящены восхвалению Далай - ламы, буддийских святых покровителей.

Жизнь и быт священников целиком определялись государственными актами. В качестве примера можно привести норму «Монгол цаазын бичиг», предписывающую форму одежды духовенства. Так, ламы должны были носить одеяние желтого или бордового цветов, а также шапку прямоугольной формы. Для настоятелей монастырей допускалось ношение куртки из меха соболя и выдры. Виновные в нарушении данных правил могли быть подвергнуты, в зависимости от сословной принадлежности, либо телесному наказанию в виде битья кнутом, либо конфискации скота.

³⁴ Рязановский В.А. Является ли монгольское право обычным? Харбин, 1932. С 31

³⁵ Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. // Вестник китайского права, 1931, № 3. С 167

На государственную заинтересованность в данном вопросе указывает введение равной юридической ответственности духовенства и мирян, поскольку действующие ламы могли быть предварительно лишены духовного сана³⁶.

В соответствии с нормами «Монгол цаазын бичиг» основными функциями духовенства являлись, во-первых, лечение больных, а, во-вторых, чтение священных книг³⁷. Примечательно, что закон предписывал проведение специального ежегодного молебна, в котором не менее четырехсот лам читать священные книги для укрепления и процветания власти маньчжурских императоров. О продуманной политике маньчжуков в целях укрепления своей власти над монголами свидетельствует тщательная регламентация правового положения духовенства. Так, запрещалось насильственное обращение в духовенство, в частности военнослужащих, простолюдинов и домашней прислуги. Подобные запреты устанавливались многими нормативными актами того периода. Например, нормы «Монголо-Ойратского Великого Уложения» допускали только добровольное вступление в духовенство путем принятия обета «гэцэл». После принятия обета лицо должно было до достижения семнадцатилетнего возраста обучаться по священным книгам. Для принятия следующего обряда - «гэлэн», требовалось испросить согласия родителей. При их согласии следовало получить разрешение главы рода и известить своего нойона, и только после этого довести до сведения чуулгана о вступлении в духовенство³⁸.

Аналогичный порядок и условия вступления в духовенство устанавливались «Монгол цаазын бичиг» и «Халха Джирум». Нормы данных законов предписывают лицу, решившему принять обет, обязательное извещение местного органа управления, и лишь при его согласии получение статуса священника. Указанные акты не допускали к приобретению статуса священника женатых, состоявших на военном учете и действующих военнослужащих³⁹.

Отметим, что и в XVIII в., и в начале XIX в. маньчжурское правительство придавало существенное значение религиозным вопросам. Об этом свидетельствует учреждение специального ведомства - Эрдэнэ Шанзудба. Данный государственный орган был создан по указу маньчжурского императора для непосредственного управления буддийским духовенством. Анализ норм

³⁶ Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004. С 14

³⁷ Там же, С 16

³⁸ Там же, С 43

³⁹ Халх Журам. Хух хот., 1989. С 3

регламентирующих деятельность Эрдэнэ Шанзудба – «Шавь яамны Халх Журмын дурэм» и «Монгол цааз бичиг» показывает нам, что компетенция данного органа сочетала в себе как религиозное, так и государственное управление. Кроме того, Эрдэнэ Шанзудба обладал определенными судебными функциями. В частности известен источник судебной практики Эрдэнэ Шанзудба, так называемая «Книга судебных решений», служившая образцом для принятия решений при рассмотрении аналогичных дел. До наших дней дошли два сборника судебных прецедентов, известны как «Улаан хацарт» и «Хугархай нуурт».

С учреждением системы управления Эрдэнэ Шанзудба ламы освобождались от уплаты налогов в пользу государства. Закон предписывал полное материальное содержание высших духовных сановников. Виновные в ограничении материального содержания духовенства нойоны наказывались штрафом в размере 300 голов скота. Все ламы должны были быть зарегистрированы в книге учета Министерства по делам Внешней Монголии, а бродячие ламы подвергались изгнанию. Закон предписывал выдачу ламам, отлучавшимся на определенное время из дацанов специальных знаков-разрешений на отлучку из монастыря. Такие разрешения – пайцзы, изготавливались по образцу монгольских военных и дипломатических удостоверений и назывались «Тэмдэгт мод»⁴⁰.

«Тэмдэгт мод» выдавались на территории 17 хошунов. В них указывались день выдачи, название места отправления, основание для выдачи и срок действия пайцза. В определенных случаях помимо деревянных пайцзов выдавался дополнительный бумажный документ - «подтверждение». Основания для выдачи таких документов определялись законодательно. «Монгол цааз бичиг» называет следующие основания:

- во-первых, если лицо отбывало в сельскую местность для осуществления контрольных функций;
- во-вторых, если лицо отправлялось на лечение к лечебному источнику;
- в-третьих, если лицо отправлялось в паломничество в другие страны.

В случае нарушения указанных предписаний виновные лица несли ответственность в независимости от возраста и пола. Так, лица, скрывавшие бродячих лам, подвергались наказанию в соответствии с сословным состоянием: виновный нойон наказывался конфискацией имущества в размере 50 лошадей, виновный в таком

⁴⁰ Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001. С 48

же правонарушении простолюдин подвергался телесному наказанию в виде битья кнутом до 100 ударов⁴¹.

ВIII. Уложение 1815 г.- правовая основа управления Монголией в начале XIX в.

После установления господства маньчжурами для управления Монголией было издано несколько Уложений. Наиболее разработанное из них – Уложение 1815 г. Уложение не содержало никаких предписаний относительно внутренней жизни монгольских хошунов. Маньчжуры, подчинив монголов, предоставили им право жить по их обычаям. Уложения регламентировали лишь вопросы отношения монголов к правящей маньчжурской династии.

Незначительное влияние маньчжуротов на внутренний строй монголов, по мнению В.А.Рязановского объяснялось главным образом различием культуры монгольской и маньчжурской⁴². Маньчжуры ограничивались областью права административного и уголовного, регулирование же частно-правовых отношений осуществлялось нормами местного обычного права. В целях укрепления своего господства в Монголии маньчжуры покровительствовали сословному делению монгольского общества. Для усиления принципа сословности по указам маньчжурских императоров было увеличено число хошунов, введено множество новых титулов. С целью ослабления родовой связи по инициативе маньчжурского государства созывались чуулганы – собрания, участники которых не были связаны с родовой организацией. В результате ханы как представители родовой организации, утратили свое политическое влияние и значение, ханский титул стал лишь почетным званием. Так в Монголии в системе административного управления было усилено государственное начало⁴³.

Реформированию подверглась и судебная система. Маловажные дела рассматривались местными чиновниками, более значительные – советами местных князей. Решения местных судов можно было обжаловать, обратившись в чуулганы. Высшей судебной инстанцией для всех судов выступала палата Внешних сношений, созданная для управления делами в Монголии.

Уложение 1815 г. в целях усиления авторитета монгольской знати, защиты прав князей запрещало жаловаться на действия княжеского суда, устанавливая наказание в случае подачи «безосновательных жалоб». Покровительство местной знати проявлялось в закреплении Уложением принципа сословности наказания в случае совершения

⁴¹ Там же, С 49

⁴² Рязановский В.А. Является ли монгольское право обычным? Харбин, 1932. С 34

⁴³ Рязановский В.А. Является ли монгольское право обычным? Харбин, 1932. С 82

правонарушений. Так, согласно норме Уложения за прелюбодеяние с княгиней простой монгол подвергался наказанию в виде квалифицированной смертной казни, княгиню ожидала простая смертная казнь – отсечение головы, семейство прелюбодея отдавалось в рабство. За такой же состав правонарушения - прелюбодеяние с женой простого монгола князя ИИстепеней подвергались штрафу в пользу мужа. Очевидно, что целью Уложения было не столько преследование подобных правонарушений, сколько стремление законодательно закрепить сословный принцип, с тем, чтобы внушить обществу тяжелым наказанием идею различия правового положения между знатным и простым человеком. Заметим, что в целом за большинство преступлений, предусмотренных Уложением 1815 г. местная знать подвергалась наказанию в смягченных формах, в отличие от простолюдинов⁴⁴.

Маньчжурское государство стремилось предотвратить смешение маньчжуров и монголов, опасаясь ассимиляции с монголами. Уложение запрещало маньчжурам, проживавшим в Монголии вступать в брак с монгольскими женщинами. В случае нарушения запрета следовало признание брака не действительным, возвращение женщины родителям. Признание брака не действительным влекло уголовное наказание – ношение шейной колодки на срок до трех месяцев в соединении с телесным наказанием – до ста ударов плетьми. Кроме этого виновные маньчжуры подлежали высылке из Монголии, местная власть также несла ответственность за слабость надзора⁴⁵.

По замечанию Г.К.Гинса, данное постановление Уложения имело тяжелые последствия для монгольского общества: « наряду с многочисленными монахами, не особо ретиво соблюдавшими обет целомудрия, оно содействовало широкому распространению проституции»⁴⁶.

Еще один способ усиления власти маньчжуров в Монголии – колонизация. Именно с этого времени начинается оседание монголов, которые наглядно видели преимущества земледельческого хозяйства. Маньчжурские императоры содействовали образованию совместных маньчжуро-монгольских поселений, создавая для них общее управление. В результате организаций системы общего управления, ограничивавшей власть местной знати, монгольское население попадало в непосредственное подчинение маньчжурской администрации.

⁴⁴ Там же, С 91, 100

⁴⁵ Баярсайхан Б., Батбаяр Б. Гадаад Монголын төрийг засах явдлын яамны хууль зүйлийн бичиг (Уложение 1815) Монголын төр, эрх зүйн түүх. Уб., 2006. С 486

⁴⁶ Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. // Вестник китайского права, 1931, № 3. С 32

IX. Заключение

Юридическое содержание норм права, отраженных в законодательных актах начала XX века и в памятниках монгольского права более ранних периодов взаимосвязано. Целью издания нового акта являлась не отмена полностью действия ранее принятых законов, а лишь частичная отмена, введение новых. Памятники права имеют единство структуры, терминологическую гомогенность, идентичный порядок принятия. Все памятники монгольского права - законодательные акты, регулировали исключительно публично-правовые отношения, упорядочивали повинности, содержание феодальных привилегий, устанавливали порядок судопроизводства, усиливали и смягчали ранее установленные нормы, меры уголовного наказания за государственные преступления.

Важнейшей характеристикой монгольской правовой системы является ее самобытность, которая проявляется в особом историческом развитии ее источников, институтов и юридической техники. Деление права на публичное и частное следует признать одной из важнейших особенностей монгольской правовой системы, определяющей иерархию и систему ее источников. Частное право понималось как совокупность норм, направленных на регулирование равноправных имущественных и связанных с ними отношений в обществе. Имущественные отношения регулировались нормами обычного права, которые излагались в устной форме. Нормы публичного права, направленные на регулирование неравноправных отношений в сфере властного управления, фиксировались письменно, внешне оформлялись в виде уставов (Монголо-ойратский устав, Халха Джирум) и объявлялись населению. Так, например, в северной Монголии в период маньчжурского, позже китайского господства, проводилась политика направленная на расширение феодальных полномочий монгольских ханов, население находилось под двойным гнетом: своих феодалов и маньчжуров, китайских чиновников.

Таким образом, монгольское право - сохранившая организационное единство со времен образования монгольского государства, система регулирования общественных отношений. Оно представляет собой системную совокупность общеобязательных правовых норм, обеспеченных механизмом государственного принуждения. Системность норм права устанавливалась взаимодействием двух основных источников монгольского права: обычного права и законодательных актов.

[Литература]

- Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг (Эх бичгийн судалгаа). Тэргүүн дэвтэр. Уб., 2004.
- Баярсайхан Б. Монгол цааз бичиг. Уб., 2005.
- Баярсайхан Б. Монгол цаазын бичигт хийсэн эрх зүйн судалгаа. Уб., 2001.
- Баярсайхан Б., Батбаяр Б. Гадаад Монголын төрийг засах явдлын яамны хууль зүйлийн бичиг (Уложение 1815) Монголын төр, эрх зүйн түүх. Уб., 2006.
- Баярсайхан Б., Оюунбилиг Б., Батбаяр Б. Халх журам (эх бичгийн судалгаа). Уб., 2009.
- Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. // Вестник китайского права, 1931, № 3.
- Гонгор Д. Халх товчоон. Уб., 1978.
- Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг. Уб., 1995.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1977.
- Монгол ба буриадын заншил, заншлын эрх зүй. Уб., 2008.
- Монгол Ойрадын цаазын бичиг. - Хух хот, 2000.
- НарангэрэлС., ЛүндэндоржН. Эрх зүй судлалын удиртгал. Уб., 2002.
- Нацагдорж Ш. Монголын феодализмын үндсэн замнал. Уб., 1978.
- Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин, 1930.
- Рязановский В.А. Является ли монгольское право обычным? Харбин, 1932.
- Халх Журам. Хух хот., 1989.

[Abstract]

**Mongolian Law in the Context of Geopolitical
Processes at the Beginning of the
20th Century: Traditions and Renewal**

Dugarova Serzhena Zhigmitovna

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Theory and History of
Law and State Institute of Law and Economics
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov.
Ulan-Ude, Russia*

The legal culture of nomadic peoples in general, in particular the Mongols, which is a complex social phenomenon, has been studied fragmentarily.

Meanwhile, the Mongolian peoples have ancient legal traditions that were formed in the context of the nomadic pastoral culture of Central Asia.

An intensive law-making process took place, starting with the formation of the Mongolian state in the era of Genghis Khan. As intensive was the process of state and ethnoregional regulation, so static were the legal views, the mentality of the nomadic people.

The substantiation of this thesis is carried out by analyzing the monuments of Mongolian law in a certain period of the history of Mongolia: at the beginning of the 20th century - the historical period of the clash of geopolitical interests of Russia, China and Mongolia.

[Keywords]

Legal culture, legal traditions, legal monuments, criminal legislation, punishment.